

В. И. Пептиев

<https://orcid.org/0000-0001-6356-7651>

Л. А. Титова

<https://orcid.org/0000-0001-6209-8267>

Подходы к пониманию иноязычного текста в коммуникативном пространстве «свой-чужой»

Иноязычный текст – зримая примета глобализации, место встречи или, скорее, столкновение цивилизаций, артефакт общения и информации. Понимание иноязычного текста относится к феноменам и понятиям наивысшего класса сложности из-за пересечения с философией, психологией и языкознанием. Перевод иноязычного текста всегда является предметом дискурса и зависит от множества факторов, в том числе от целей, которые ставит перед собой переводчик, или целей, которые перед переводчиком ставит общество. Сейчас политика пронизывает не только экономику, но и культуру, в том числе языковую. Она всегда определяла содержание и контекст информации, транслируемой через средства массовой информации, сейчас в условиях современной геополитической обстановки этот процесс еще более обострился. Акцентируется неполное знание контекста и невнимание к языковой палитре политической риторики в эпоху постмодерна. Постправда (post-truth) – это не ложь, не фейк, не «утка», не миф, а квазиреальная среда, подражание, искусная подделка артефакта, суррогат оригинала, некий контекст с моделированием ситуации. Постправда апеллирует не к фактам, а к их переживанию, к их первичному восприятию; возбуждает рефлексы, а не пробуждает размышление, осмысливание и рефлексию. Коммуникативное пространство в Европейском союзе многолико, конфликтно, изменчиво и спонтанно-рукотворно. В СМИ используются все возможные средства конкурентной борьбы за читателя. В статье излагаются и анализируются высказывания грандов европейской журналистики (The Economist, Le Monde, le Figaro) относительно «новичков» в геополитике, которые рассматриваются как «свой - чужой» для разной аудитории (Дональд Трамп и Эммануэль Макрон).

Ключевые слова: пограничность в культурологии, коммуникативное пространство «свой - чужой», иноязычный текст, Д. Трамп, Э. Макрон.

V. I. Peftiev, L. A. Titova

Approaches to Understanding of the Foreign-Language Text in Communicative Space «Own-Strange»

The foreign-language text is a visible sign of globalization, the meeting place or more likely collision of civilizations, an artifact of communication and information. Understanding of the foreign-language text belongs to phenomena and concepts of the highest class of complexity because of crossing with philosophy, psychology and linguistics. The translation of the foreign-language text is always a subject of discourse and depends on a set of factors, including purposes which are set before himself by the translator, or the purposes which are set before the translator by society. The policy penetrates not only economy, but also culture now, including language. It always determines the subject and the context of information broadcast through mass media, now in the conditions of a modern geopolitical situation this process has escalated even more. The attention is drawn to incomplete knowledge of the context and inattention to the language palette of political rhetoric during the postmodern era. The post-truth is not a lie, not a fake, not gossip, not a myth, but the quasireal environment, imitation, a skillful fake of an artifact, an original substitute, some context with modeling of a situation. The post-truth appeals not to the facts, but to their experience, to their primary perception; it excites reflexes but does not awaken contemplation, comprehension and reflection. The communication space in the European Union is many-sided, conflictive, changing and spontaneously hand made. In mass media all possible means of competition for the reader are used. In the article are presented and analyzed the statements of the European journalism grandees (The Economist, Le Monde, le Figaro) concerning «beginners» in geopolitics who appear as «own-strange» for different audience (Donald Trump and Emmanuel Macron)

Keywords: frontier in culturology, communication space «own-strange», foreign-language text, D. Trump, E. Macron.

В переводе ее не осталось и следа от фразы Мопассана, свободной, текучей, с длинным дыханием страсти. Бендерская писала утомительно правильно, безжизненно и развязно.

И. Э. Бабель (1894–1940)

Иноязычный текст – наглядная примета глобализации, место встречи или, скорее, столкновения

цивилизаций, артефакт общения и информации. Иноязычный текст – это сюжет не только лингвистический, прагматический, локально-штучный. В текстах на иностранных языках завязаны сложным (морским) узлом компетенции множества филологических, гуманитарных и общественных наук, в том числе, естественно, и экономики.

Иноязычный текст обладает и статусом дискурса, послания действующего лица (актора) «городу и миру», декларации о намерениях и действиях. В статье предпринята попытка обозначить подходы к пониманию иноязычного текста в фарватере культурологии. Анализ ведется в новостном контексте грандов европейской журналистики (The Economist, Le Monde, le Figaro) относительно «новичков» в геополитике (Д. Трамп и Э. Макрон). Композитность («гибридность») темы предполагает предварительные пояснения авторов относительно манеры изложения и исследования.

Понимание относится к феноменам и понятиям наивысшего класса сложности из-за пересечения с философией и языкознанием. *Экзистенциализм* представляет собой философию смысла (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр, Р. Барт, М. Фуко). Но смысл ускользает в комбинациях реального (сущего, бытия), фиктивного и виртуального (воображаемого). На рубеже XIX–XX веков зародилась *понимающая психология* (В. Дильтель), обратившая внимание на интуитивные поиски смысловых связей в контексте культурно-исторического содержания переживаемой человеком эпохи, ее духа. Мы знаем о человеке многое, но не умеем ясно сформулировать свои знания. Психология как одна из приоритетных наук XXI в. четко различает понимание и интерпретацию (субъективное восприятие кого-либо или чего-либо). Языкознание обязано А. А. Потебне (1835–1891) введением концепта «сгущение мысли» через слово, обладающее неисчерпаемым возможным содержанием. Но на слово, предупреждал А. А. Потебня, нельзя смотреть как на выражение *готовой мысли*. Прорыв в языкознании обеспечили новые инструменты анализа, малоприметные для неспециалиста, такие как обозначаемое и обозначающее, диалогичность текста, дискурс, внутренняя и произнесенная речь и др. Лингвистика, по проницательной гипотезе М. Фуко («Слово и вещи»), берет на себя функцию интегратора гуманитарных наук, приступая к первоначальной расшифровке смысла.

Беда для истины, ее обнаружения и словесной фиксации, пришла из сферы политической риторики. Слово 2016 г. по Оксфордскому словарю – *постправда* (post-truth). О возможности такой подмены (подобие правды) предупреждал еще Л. Н. Толстой. С. В. Гуров, редактор журнала «Полис», раскрывает содержание этого феномена так: *постправда* – это не ложь, не фейк, не «утка», не миф, а квазиреальная среда, подражание, искусная подделка артефакта, суррогат оригинала, некий контекст с моделированием ситуации. *Постправда* апеллирует не к фактам, а к их *пере-*

живанию; возбуждает *рефлексы*, а не поощряет рефлексию (Полис. – 2017. – № 2). Эту миссию берут на себя фото (рисунки, коллажи) и заголовки статей и рубрик [7].

Пограничность – концептуальная новация в культурологии с растущим творческим потенциалом [5]. Всякое новое в теории и эмпирике предполагает множество определений. Назовем наиболее распространенные: острая нужда в междисциплинарных исследованиях; противоречивое взаимопроникновение; маркер фронтера (рубежа, границы), за которым возникают неведомые ранее шансы, вызовы и угрозы; промежуточное состояние между старым порядком, сползающим в хаос, и новым порядком, находящимся в младенчестве, с нечленораздельными голосами («вещь в себе» – на языке философии).

Каждая грань (лик) пограничности может быть востребована, если речь идет об имидже мирового политика в турбулентном контексте. Сама же турбулентность порождается ужесточением конкуренции на мировых рынках, разнонаправленностью императивов для власти и бизнеса, чрезмерной вовлеченностью в мировые дела (худший вариант – асимметричная взаимозависимость), множественностью центров принятия текущих и среднесрочных решений. В текстах зарубежной прессы эти факты либо прямо называются, либо так или иначе подразумеваются.

Коммуникативное пространство в Евросоюзе многолико, конфликтно, спонтанно-руководно. Если на время отвлечься от ТВ и радио, а также социальных сетей, то пресса практически необозрима с неясной судьбой бумажной и электронной версий. Рейтинги устойчивы (да и то с перестановками) лишь для грандов журналистики, имеющих долгую историю и крепкую репутацию. Наш выбор сделан сознательно, не без авторских предпочтений, и апробирован в текущих публикациях (МПУ, МУБИТ, ЯГПУ).

Ситуация «свой – чужой», когда она пограничная, неопределенная, размытая, отнюдь не единична в мировой истории. Начало XXI в. довело ее до «судного дня»: политики и дипломаты фиксируют «красные линии» (увы, они подвижны и непредсказуемы), после пересечения которых вводятся санкции по отношению к «плохим», «чужим» странам, а партнер-конкурент временно теряет благосклонность. В СМИ переоценка личностей начинается с избирательной кампании и обостряется после знаковых акций политиков, глав государств, президентов. Напомним оскорбительные инициативы Д. Трампа в адрес ЕС: выход из Парижского соглашения по климату, критика европейской политики по мигрантам и недофи-

нансирования НАТО. Отсюда эрозия атлантической солидарности, необходимость коллективного ответа (консенсус маловероятен) и(или) поиск, а затем и утверждение лидера Евросоюза: это Германия в лице А. Меркель (пока сомневается) [2] или Э. Макрон как «спаситель Европы» от дезинтеграции [14]?.. Ведущие органы СМИ в Евросоюзе в раздумье относительно «дебютов»: «Кто Вы, господин Трамп / Макрон?». Сказывается и конкуренция среди изданий за читателей, публику, целевую аудиторию.

Итак, налицо трехсоставная матрица (модель) контекстного подхода к пониманию иноязычного текста о политиках самого высокого ранга. Неполное знание контекста (глобального, странового, адресного) ограничивает познавательные возможности любого ученого, особенно из провинциальной России. Визуальные контакты сведены до минимума, поскольку присутствие на брифингах доступно лишь журналистам президентского пула. Экраны ТВ и гаджетов скрадывают, а то и искажают непосредственное восприятие «живого» вершителя судеб мира. Что же касается самого иноязычного текста, то этот объект-субъект понимания своеобразен и почти всегда непредсказуем. В словах предстоит обнаружить три среза личности политика: 1) носитель идеологии, интересов и ценностей; 2) воплощение менталитета, национального, социальной среды и самого себя; 3) язык политической риторики и политика и пишущего о нем (журналиста, аналитика). Задачи непомерно трудные, но достойные возлагаемой миссии.

В авторских комментариях нуждается язык текста. Языковая палитра текста в эпоху постмодерна допускает смешение красок в причудливых сочетаниях. Словесная агрессия. Буйные пророчества. Затасканные клише. Заимствования из других языков. Метафоры и фразеологизмы [1, 6]. *Une langue de bois*. Не будут излишними (чрезмерными) напутствия переводчикам из далекого прошлого. *Мартин Лютер* (1483–1546), инициатор и идейный вождь Реформации, удостоился самой высокой оценки *Ф. Энгельса*: Лютер вычистил авгиевы конюшни не только церкви, но и немецкого языка, создал современную немецкую прозу. Его заповеди краткие, но емкие. Искать и находить *смысл* слова, фразы. Прагматическая полноценность (понятность, отказ от лишних слов). Нахождение оттенков. Есть и спорные высказывания: «Латинские буквы чрезвычайно мешают говорить на хорошем немецком языке» [9]. Во Франции осуществляется орфографическая реформа путем удаления диакритических знаков, восходящих к греческому и латинскому языкам и

не искажающих смысл и значение слова. Реформа затронула около 2 000 слов, допускается одновременное хождение старой и новой орфографии [4].

После этих пояснений, содержащих крупницы интегративных знаний (от частичного совмещения разных концепций и подходов), приступаем к систематизации информации из новостного контекста 2017 г. Соблюдаем хронологический подход, откликаясь лишь на значимые факты и события. Посвящаем Д. Трампу и Э. Макрону отдельное досье (кейс).

Кейс. Дональд Трамп, 45-й президент США (с 20 января 2017 г.). Накануне вступления в должность (инаугурации) немецкоязычная пресса поспешила со своим видением имиджа Д. Трампа, ссылаясь на его поведение в ходе избирательной кампании. Кичится своим богатством. Груб. Сквернословит. Склонен ко лжи. Харизматичен, умеет увлечь массы. Сравнение политика с игрой и бизнесом. Обыграли журналисты и сюжет с немецкими корнями Трампа (дед – эмигрант из Германии, хотел вернуться на родину; власть запретила). В самопрезентациях охотно и с гордостью рассказывал о том, что, как и все немцы, он силен и надежен (*stark und verlässlich*), любит порядок, ему импонирует сила (*Ich mag Ordnung. Ich mag Stärke*). Интервью газете «Bild», январь 2017). Но журналисты «раскопали» и разночтения в его биографии: отец Трампа, Фред, якобы отрицал свое немецкое происхождение и называл местом своего рождения не Кальштадт в Пфальце, а Карлштадт в Швеции [8, с. 41–42].

Лето 2017 г. Выборы и священные «100 дней» позади, но США расколота по многим векторам: между конгрессом и президентом, между республиканцами и демократами, между сторонниками и противниками Трампа. Яблоко раздора – персона Д. Трампа, его политика. Опросы общественного мнения показали, что большая часть населения не одобряет политику Трампа по конфликту с Северной Кореей, конфронтационные акты по отношению к России, ядерной сделке с Ираном и др. Но в США довольны экономическим ростом (3,1 % прироста ВВП за 2 квартал 2017 г.), ожидают подробностей по налоговым инициативам для бизнеса и по подоходному налогу.

Речь Д. Трампа на очередной (72-й) сессии ГА ООН, которая редактировалась до последней минуты, вызвала отторжение во Франции. Почти неделю парижская «Le Monde» в своих редакционных статьях и откликах встречала неодобрительно пассажи Д. Трампа по жгучим вызовам современности (ядерные испытания КНДР, сделка «5» + ФРГ с Ираном, Сирийский конфликт и др.). Отметим запоминающиеся и часто повторяемые

ключевые слова и заголовки: «Дуэль Макрон – Трамп через речи в ООН», «Э. Макрон – антитрамп» («E. Macron se pose en antitrap»), «Д. Трамп принижает (rebaisse) ООН». Речь Д. Трампа в ООН – ужасный вызов («un terrible défi») для международного сообщества, она брутальна, агрессивна и несогласованна («incoherent»). Д. Трамп предстает как защитник *старого мира* (его ценности – опора на силу, мощь, приоритет национальных интересов). Ему противостоит *новый мир* – мультиполярный, взаимосвязанный, с осознанием общих вызовов, понимающий *сложность* диалога, но с верой в его *эффективность* («la nôtre nous oblige à réapprendre la complicité du dialogue mais aussi sa fécondité»).

Газета «Le Monde» (23.09.2017) опубликовала и пессимистический прогноз текущей и будущей политики США в Европе: «Même après Trump les Etats Unis ne reinvestiront pas dans la sécurité de l'Europe» (США и далее будут дистанцироваться от обеспечения безопасности Европы). Прогноз принадлежит Thomas Gomart - директору французского института международных отношений (IFRI), автору новейшей публикации (в соавторстве с Thierry de Montbrial) о внешней политике Франции. Приоритетные задачи Франции – противостояние отливу волн (le reflux de la vague), которая вызвала Brexit и избрание Д. Трампа. Надежда связана с возобновлением триумvirата Вашингтона, Парижа и Лондона в Совете безопасности ООН.

Досье Э. Макрона, президента Франции. Самый молодой глава государства спустя 200 лет после Наполеона Бонапарта. Эрудированный интеллект, с опытом работы в Правительстве. На выборах перехитрил всех конкурентов (выскочил как черт из табакерки), воспользовался консультациями гуру французской политики Жака *Аттали*, представляя себя как «наименьшее зло» (противник Мари Ле Пен). Позиционирует себя как реформатор Евросоюза, «ходячая реклама» либерализма, синтез технократии и популизма. Макрон намерен сделать из Франции «старт-ап нацию». В его лексиконе появились высокопарные слова о современной «революции Коперника», самоидентификация с Юпитером. Довыборные амбиции остудила жизнь, нелинейная (зигзагообразная) траектория внутренней и внешней политики.

Свое кредо во внешней политике Макрон объявил незамедлительно после вступления в должность Президента (с подавляющим большинством в парламенте – национальном Собрании). Франция не признает аннексию Крыма, выступает за конкретное применение Минских соглашений (не

существует предпочтительного соглашения, нельзя привыкать к дискуссиям без результатов). В преддверии G20 Макрон якобы сказал президенту Украины: «...будем жесткими с русскими (exigents), но и вы должны быть *безукоризненными* (irréprochables)» [11].

На открытии 72-й сессии ГА ООН Э. Макрон намекнул на динамизм своего поколения политиков (сорокалетних) и фактически вступил во *внутреннюю* полемику с Д. Трампом относительно ядерных испытаний КНДР, выхода из многостороннего соглашения с Ираном и др. Только *многосторонний подход* (то есть переговоры), а не мантра «Америка превыше всего» поможет найти приемлемые решения по злободневным проблемам современности.

Э. Макрон своими поправками в Трудовой Кодекс настроил против себя профсоюзы Франции, политиков левой ориентации (Жан Люк Меланшон), уволенных чиновников. Профсоюзы воспринимают либеральные нововведения (под словесной завесой о борьбе с безработицей) как «социальный переворот» [13].

Жан Люк Меланшон возглавляет «Непокоренную Францию» (La France insoumise, LFI) и проводит массовые акции протеста (12 и 23 сентября 2017 г.) в Париже, Марселе и других крупных городах Франции. Административная элита Франции почувствовала в декларациях и поведении Макрона монархический подтекст, проявление снобизма к «своим» и «чужим». Крис Бикертон (Chris Bickerton) в «The New York times» от 7 сентября 2017 г. предрек Э. Макрону судьбу еще одного *провального* президента.

Завершаем экспресс-контент политической риторики в медиапространстве Евросоюза 2017 г. Налицо четыре тренда (наблюдаемые тенденции): словесная агрессия перемещается из Европы в США; дефицит политиков эпохального масштаба; политическая риторика заглушает здравые суждения и компромиссные идеи политиков, экспертов и ученых; полярная оценка политиков-новичков.

Библиографический список

1. Аванесян, М. О. Передача смысла с помощью метафорических сравнений [Текст] / М. О. Аванесян // Вестник СПбУ. Серия психология, социология, педагогика. – 2015. – Вып. 1. – С. 19–27.
2. Войнов, В. В. Европейское пространство свободы, безопасности и правосудия и миграционный кризис в Европе [Текст] / В. В. Войнов // Современная Европа. – 2017. – № 2. – С. 43–55.
3. Габдрафикова, Т. Ш. Мультиmodalность речевой агрессии в виртуальной среде [Текст] / Т. Ш. Габдрафикова // Филологические науки: вопросы теории и практики. – 2017. – Ч. 3. – С. 86–88.
4. Галеева, В. И., Коношенко, М. В. Новые тенденции в орфографии французского и русского языков [Текст] / В. И.

Галеева, М. В. Коношенко // Филологические науки: вопросы теории и практики. – 2017. – № 7. – Ч. 3. – С. 86–88.

5. Ерохина, Т. И., Хрящева, И. А., Захарова, М. И. Модус пограничности в современном гуманитарном знании [Текст] / Т. И. Ерохина, И. А. Хрящева, М. И. Захарова // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 3. – С. 233–239.

6. Зарипов, Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе [Текст] : монография / Р. И. Зарипов. – М. : Валент, 2016. – 220 с.

7. Клещина, Н. Языковая игра как средство манипуляции в заголовках англоязычной прессы [Текст] / Н. Клещина // Власть. – 2016. – № 6. – С. 130–134.

8. Ланчиков, В. К. Презумпция виновности. Еще раз о восприятии языка переводов [Текст] / В. К. Ланчиков // Мосты. Журнал переводчиков. – 2017. – № 2(54). – С. 21, 20–26.

9. Потапова, С. Ю., Родбертус, М. М. Фактор Трампа в немецкоязычной прессе [Текст] / С. Ю. Потапова, М. М. Родбертус // Иностранные языки в высшей школе. – 2017. – № 2. – С. 41–42.

10. Цвиллинг, М. Я. Мартин Лютер и его значение для переводчиков [Текст] / М. Я. Цвиллинг // Мосты. Журнал для переводчиков. – 2017. – № 2 (54). – С. 3–9.

11. Чугров, С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? [Текст] / С. Чугров // Полис. – Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 42–59.

12. Яковлев, П. «Фактор Трампа» и меняющийся облик глобализации [Текст] / П. Яковлев // МЭ и МО. – 2017. – № 7. – С. 5–14.

13. Le Monde, 26.06.2017.

14. Le Monde, 22.09.2017.

15. The Economist, 2017, 17–23 June, p. 11.

Reference List

1. Avanesjan, M. O. Peredacha smysla s pomoshh'ju metaforycheskih sravnenij = Transfer of sense by means of metaphorical comparisons [Текст] / М. О. Avanesjan // Vestnik SPbU. Serija psihologija, sociologija, pedagogika. – 2015. – Вып. 1. – С. 19–27.

2. Vojnov, V. V. Evropejskoe prostranstvo svobody, bezopasnosti i pravosudija i migracionnyj krizis v Evrope = European space of freedom, safety and justice and migration crisis in Europe [Текст] / V. V. Vojnov // Sovremennaja Evropa. – 2017. – № 2. – С. 43–55.

3. Gabdrifikova, T. Sh. Mul'timodal'nost' rechevoj agressivii v virtual'noj srede = Multimodality of speech aggression in the virtual environment [Текст] / T. Sh. Gabdrifikova // Filolog-

icheskie nauki: voprosy teorii i praktiki. – 2017. – Ч. 3. – С. 86–88.

4. Galeeva, V. I., Konoshenko, M. V. Novye tendencii v ortografii francuzskogo i russkogo jazykov = New tendencies in spelling of the French and Russian languages [Текст] / V. I. Galeeva, M. V. Konoshenko // Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki. – 2017. – № 7. – Ч. 3. – С. 86–88.

5. Erohina, T. I., Hrjashheva, I. A., Zaharova, M. I. Modus pograničnosti v sovremenном gumanitarном знании = Frontier mode in modern humanitarian knowledge [Текст] / T. I. Erohina, I. A. Hrjashheva, M. I. Zaharova // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin. – 2017. – № 3. – С. 233–239.

6. Zaripov, R. I. Metaforičeskoe modelirovanie obraza Rossii v sovremenном francuzskom političeskom diskurse = Metaphorical modeling of the image of Russia in the modern French political discourse [Текст] : monografija / R. I. Zaripov. – М. : Valent, 2016. – 220 s.

7. Kleshhina, N. Jazykovaja igra kak sredstvo manipuljacii v zagolovkah anglojazyčnoj pressy = Language game as a means of manipulation in headings of the English-language press [Текст] / N. Kleshhina // Vlast'. – 2016. – № 6. – С. 130–134.

8. Lanchikov, V. K. Prezumpcija vinovnosti. Eshhe raz o vosprijatii jazyka perevodov = Guilt presumption. Once again about perception of language in translations [Текст] / V. K. Lanchikov // Mosty. Zhurnal perevodchikov. – 2017. – № 2(54). – С. 21, 20–26.

9. Potapova, S. Ju., Rodbertus, M. M. Faktor Trampa v nemeckojazyčnoj presse = Trump's factor in the German-language press [Текст] / S. Ju. Potapova, M. M. Robertus // Inostrannye jazyki v vysshej shkole. – 2017. – № 2. – С. 41–42.

10. Cviling, M. Ja. Martin Ljuter i ego znachenie dlja perevodchikov = Martin Luther and his value for translators [Текст] / M. Ja. Cviling // Mosty. Zhurnal dlja perevodchikov. – 2017. – № 2 (54). – С. 3–9.

11. Chugrov, S. V. Post-truth: transformacija političeskoj real'nosti ili samorazrushenie liberal'noj demokrati? = Post-truth: is it transformation of political reality or self-damage of the liberal democracy? [Текст] / S. Chugrov // Polis. – Politicheskie issledovanija. – 2017. – № 2. – С. 42–59.

12. Jakovlev, P. «Faktor Trampa» i menjajushhij oblik globalizacii [Текст] = Trump's factor and the changing shape of globalization / P. Jakovlev // MJe i MO. – 2017. – № 7. – С. 5–14.

13. Le Monde, 26.06.2017.

14. Le Monde, 22.09.2017.

15. The Economist, 2017, 17–23 June, p. 11.